

ЗА РАЗОРВАННЫМ УЗОРОМ

КНИГА ПЕРВАЯ

18+

Павел Ерошин

За разорванным узором

<https://litres.ru/74626258>

SelfPub; 2026

Аннотация

Новоселье в старой петербургской квартире заканчивается исчезновением четырёх молодых людей. Старинный ковёр переносит их в мир русских сказок — и рвётся, отрезая путь домой.

Здесь домовые заключают договоры, а лес отвечает стоном на сломанную ветку. Надежда на возвращение ведёт героев в Лукоморье, где ещё можно найти мастера, способного восстановить переход. Но сначала придётся пройти через чужой лес, разобраться в правилах местной магии и научиться действовать вместе, несмотря на обиды и недоверие.

Первая книга цикла «За разорванным узором».

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	23
Глава 3	40
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Павел Ерошин

За разорванным узором

Глава 1

– А вот и квартирка! – сказал Максим, подходя к обшарпанной двери на третьем этаже. – Надеюсь, что она не такая убитая, как мне описывал отец.

– Нуууу, Ма-а-ась! Давай быстрее-е-ей, у меня сейчас руки отвалятся, – протянула Вика, поднимаясь следом, держа два больших пакета, в которых позвякивали бутылки.

– Да, момент. Дай насладиться. Не каждый день тебе подгоняют семикомнатную квартиру в центре Питера.

– Ма-а-ась!!! – крикнула Вика.

Максим заторопился, подбирая ключи. Найдя нужный, он вставил его в замочную скважину и провернул несколько раз. Ключ поддавался с трудом, как будто открывал большой амбарный замок. Распахнув со скрипом старую дверь, обитую кожзаменителем с рисунком в виде ромба, Макс сделал реверанс и сказал:

– Заходи, кошечка моя!

– Какая ещё кошечка? – фыркнула Вика. – Я сейчас больше похожа на нагруженную лошадь!

– Нуууу... ты мой котёнок, а кошек обычно первыми за-

пускают в новый дом, – запинаясь пробормотал Макс, почесав затылок.

Вика немного смягчилась и, проходя мимо него, издала тихий звук, похожий на мяуканье. Максим, расплывшись в улыбке, зашёл следом. Перед молодыми людьми предстал длинный коридор, уходящий в темноту. Он был заставлен деревянными кадушками, окованными железом сундуками и каким-то старым домашним скарбом, давно утратившим своё предназначение.

Стены скрывали выцветшие обои. Местами они вздулись пузырями, местами свисали рваными лоскутами, обнажая почерневшую штукатурку. Поверх рисунка кто-то вывел углём или тёмной краской непонятные знаки и руны. Одни почти исчезли, другие выглядели так, словно их нанесли совсем недавно.

Слева, на стене, висели большие часы с маятником. Они продолжали размеренно отсчитывать время. Тик... так... тик... так... Этот звук был единственным живым в застывшей тишине коридора и почему-то казался громче любого крика.

– Ма-а-ась... мне здесь не нравится, – пролепетала Вика. Максим с усилием стряхнул первое оцепенение и едва слышно прошептал:

– Так батя и правда не преувеличивал насчёт квартиры... В тот же миг дверь за их спинами с оглушительным грохотом захлопнулась. Темнота мгновенно поглотила коридор,

густая и вязкая, словно живая. Лишь мерное тиканье часов нарушало её неподвижность.

На ощупь найдя на стене ряд выключателей, Максим нажал один из них.

Под потолком вспыхнула лампа накаливания. Её тусклый жёлтый свет медленно растёкся по коридору, будто шаг за шагом отвоёвывая пространство у мрака. Теперь всё выглядело иначе. Кадушки, сундуки и старый домашний скарб уже не казались затаившимися силуэтами. Они вновь стали всего лишь старыми вещами, аккуратно расставленными вдоль стен. Даже маятник часов больше не отсчитывал секунды с угрожающей неумолимостью – его размеренное «тик-так» неожиданно успокаивало. А странные надписи почти растворились на пожелтевших обоях, превратившись в часть давно выцветшего узора.

– Ну... вроде уже не так страшно, – выдохнул Максим. – Я думал, будет хуже.

Вика опустила пакеты на пол и медленно пошла вдоль коридора, с любопытством разглядывая облезлые стены.

– Так откуда вообще у тебя эта квартира? – задумчиво спросила она.

– Да я же рассказывал. Батя занимается расселением коммуналок. Тут жила какая-то окончательно поехавшая старуха. Вообразила себя «Хранительницей сказок». Несла всякую дичь про дверь в сказку, леших и прочую ерунду. Батя быстренько оформил всё как надо: её – в психушку, кварти-

ру – мне. Подарок на выпуск из универа.

Вика остановилась и с сомнением посмотрела на него.

– Серьёзно?

Максим усмехнулся.

– Да расслабься. Ей, наверное, лет сто было. Сегодня-завтра сама бы померла. Зато квартира не уйдёт каким-нибудь любителям халявы. Сделаем ремонт, и вместо этого музея получится... – Он осёкся. «Царские палаты». Странное выражение всплыло в голове само собой – чужое, неуместное. Максим нахмурился, но уже через секунду отмахнулся от этой мысли и догнал Вику.

– Слушай, пакеты только на кухню закинь. Скоро курьер с едой придет, и ребята подтянутся.

Вика резко обернулась.

– Чего-о? Курьер? Тогда зачем я вообще тащила эти пакеты через полгорода?

– Затем, что курьеры, к сожалению, пока не возят хороший алкоголь, – невозмутимо ответил Максим. – Иначе я бы тебя вообще не напрягал.

Вика недовольно фыркнула: «Ну конечно. Бесплатная рабочая сила всегда под рукой».

Она демонстративно закатила глаза, подхватила пакеты и, громко цокая каблуками по рассохшемуся паркету, направилась вглубь квартиры.

Пока Вика возилась с пакетами, Максим толкнул ближайшую дверь. Комната встретила его запахом старой древеси-

ны, пыли, воска и высохших трав. Он щёлкнул выключателем. Под потолком вспыхнули несколько лампочек под матовыми стеклянными плафонами.

— Ничего себе... — невольно присвистнул Максим. — Вот это хоромы...

Комната оказалась неожиданно просторной — гораздо больше, чем могла быть, судя по размерам квартиры. На мгновение ему даже почудилось, что стены стоят дальше, чем должны. Потолок пересекали массивные потемневшие балки. Между ними висели пучки высушенных трав, связки чеснока, перевёрнутые метёлки полыни, венки из зверобоя и чабреца. На грубых кованых крюках покачивались старые медные светцы, небольшие колокольчики и вырезанные из дерева птицы с расправленными крыльями. Они едва заметно шевелились от сквозняка, будто наблюдали за незваными гостями.

Вдоль одной стены тянулись высокие дубовые шкафы со стеклянными дверцами. За мутным, местами волнистым стеклом покоились десятки, если не сотни самых разных вещей. Одни были вполне узнаваемы, назначение других угадывалось лишь приблизительно. Рядом с пожелтевшими книгами лежали резные деревянные идолы величиной с ладонь, берестяные коробочки с выцветшими надписями, расписные прялки, старинные свистульки в виде птиц, глиняные обереги, железные ключи невероятных размеров, потемневшие серебряные кресты, куклы-мотанки без лиц, выши-

тые рушники с незнакомыми символами и маленькие мешочки, перевязанные красной нитью. На отдельных полках стояли стеклянные банки, внутри которых покоились засохшие травы, птичьи перья, странные белёсые камни и кости неизвестных животных.

Между предметами были расставлены десятки фотографий. На одной старик с невероятно длинной бородой пожимал руку охотникам возле туши огромного волка. Волк был слишком велик, чтобы быть обычным зверем. На другой молодая девушка в сарафане улыбалась в объектив, а рядом с ней стояло нечто, закутанное в меха. Лицо существа оказалось смазанным, словно оно шевельнулось в тот самый миг, когда щёлкнул затвор фотоаппарата.

Чуть дальше висели рисунки, выполненные углём и акварелью. Лешие, водяные, полудницы, русалки с длинными спутанными волосами, огромные птицы с человеческими головами и создания, которых Максим никогда прежде не видел.

У противоположной стены стоял длинный диван с продавленными подушками и потёртыми деревянными подлокотниками. Над ним почти во всю стену висел огромный ковёр. Максим невольно застыл.

Весь ковёр представлял собой бесконечное переплетение древнего орнамента. Среди красных, чёрных и золотистых узоров проступали фигуры людей, волков, медведей, птиц, огромных змеев, оленей с ветвистыми рогами и странных

существ с человеческими лицами. Стоило задержать взгляд, как рисунок переставал быть просто узором. Ему показалось, что по тёмному лесу медленно идёт процессия людей с факелами. Где-то между деревьями бесшумно скользнул огромный волк. Над вершинами елей плавно расправила крылья гигантская птица. А в самой глубине орнамента кто-то высокий, укутанный в длинные одежды, медленно повернул голову и словно посмотрел прямо на него.

У Максима пересохло во рту. Что-то негромко звякнуло. Он вздрогнул и резко обернулся. С верхней полки шкафа на пол скатился маленький бронзовый колокольчик.

– Чёрт...

Максим несколько раз моргнул и снова посмотрел на ковёр. Теперь это был всего лишь старый, немного выцветший узор.

– Привидится же...

Он усмехнулся собственной впечатлительности и подошёл к шкафам. За стеклом взгляд сразу зацепился за небольшое серебристое блюдо, установленное на деревянной подставке. Рядом лежало высохшее, сморщенное яблоко. Где-то на самом дне памяти всплыла сказка, которую в детстве рассказывала няня.

«Катись, яблочко, по серебряному блюдечку...»

Кажется, в той сказке через блюдо можно было увидеть всё, что происходило далеко-далеко отсюда. Максим невольно улыбнулся.

– Вот же... чего только старики не собирают... – прошептал он.

– МАКС!!!

Голос Вики ударил по ушам так резко, что Максим вздрогнул и обернулся. В дверях стояла девушка. Телефон был зажат в руке, а на лице впервые за всё время читалось не раздражение, а самый настоящий испуг.

– Ты чего?.. – растерянно спросил Максим.

– Это я у тебя хочу спросить. Что с тобой?

– В смысле?

– Ты уже минут сорок здесь торчишь.

– Да брось. Минут пять, от силы. – Максим усмехнулся.

– Пять? Макс, я все пакеты разобрала. Потом минут десять сидела в телефоне – сеть, кстати, здесь вообще еле ловит. Потом два раза тебя позвала. Ты даже не обернулся.

Она шагнула в комнату, не сводя с него взгляда.

– Потом я зашла сюда... А ты стоишь посреди комнаты, смотришь на этот ковёр и что-то себе под нос бормочешь.

Максим почувствовал, как по спине пробежал холодок.

– Бормотал?

– Ага. Какую-то тарабарщину. Я сначала подумала, ты прикалываешься.

– Да не мог я...

– Признавайся, – прищурилась Вика. – Опять у Витали грибы брал?

– Да ты чего? После того раза? Ни за что! – Максим воз-

мущённо поднял руки.

– Точно?

– Клянусь.

– Чем?

– Ну... Машиной. – Максим замялся.

– Вот теперь почти поверила. – Вика недоверчиво хмыкнула.

Он нервно усмехнулся и ещё раз посмотрел на ковёр. Теперь это был просто старый ковёр. Выцветший, местами потёртый. Никакого движения. «Минут сорок...» В голове это никак не укладывалось.

– Ладно, – уже гораздо бодрее сказала Вика. – Пойдём. Я тебе такое покажу... Там кухня вообще отвал всего.

Она уже развернулась к выходу, но вдруг остановилась.

– И, Макс...

– Что?

– Если ещё раз зависнешь вот так... я тебе пощёчину отвешу. Для профилактики.

– Очень смешно.

– А я не шучу.

Она скрылась в коридоре, громко цокая каблуками по старому паркету. Максим ещё несколько секунд смотрел ей вслед, затем перевёл взгляд на ковёр. Тот молчал. И всё же, прежде чем выйти из комнаты, Максим поймал себя на мысли, что очень не хочет поворачиваться к нему спиной. Перекинув себя, он вышел из комнаты и пошёл за Викой.

Коридор словно изменился. Теперь, когда первый страх немного отступил, он уже не казался мрачным. Скорее... странным. Вдоль стен тянулись старые комоды и шкафчики, на которых соседствовали керосиновые лампы, бронзовые подсвечники и потемневшие деревянные сундуки. Между ними стояли большие кадки с засохшими деревцами, чьи переплетённые ветви образовывали причудливые силуэты.

На стенах висели десятки картин и фотографий в тяжёлых деревянных рамах. Вот молодой офицер в форме начала прошлого века улыбался, положив руку на плечо невероятно огромного медведя. Рядом несколько женщин в праздничных сарафанах позировали возле векового дуба, а за их спинами среди ветвей будто пряталось чьё-то лицо. Или это всего лишь игра света...

Дальше висела целая серия рисунков. Выполненные карандашом и акварелью, они изображали существ, которых Максим знал только по детским сказкам: леших, водяных, кикимор, русалок. Но выглядели они совсем не так, как в книжках. Старые. Уставшие.

Между картинами были прибиты резные деревянные маски. Одни улыбались, другие скалились, третьи будто наблюдали за каждым, кто проходил по коридору.

Под самым потолком тянулась длинная полка. На ней сидели десятки резных птиц, зверей и человечков.

– Макс! Ты идёшь там или экскурсию заказал? – донёсся с кухни голос Вики.

– Уже иду! – Он ускорил шаг и свернул за угол.

– Да ладно...

Вот чего он ожидал увидеть меньше всего, так это такой кухни. Она была огромной. Не просто большой – почти с половину квартиры. Посреди комнаты возвышался длинный дубовый стол человек на двадцать, весь испещрённый царапинами и следами ножей. Над ним висела тяжёлая кованая люстра, увешанная связками сушёных грибов, чеснока, красного перца, пучками ароматных трав и десятками медных половников. Вдоль стен тянулись открытые полки, заставленные глиняной и медной посудой самых невероятных форм. Одни кувшины были расписаны яркими птицами, другие – странными символами, похожими на те, что Максим уже видел в коридоре.

В дальнем углу белела огромная русская печь. Не декоративная. Настоящая. С широкой лежанкой, чугунными за-слонками и закопчённым сводом. Рядом аккуратной горкой лежали дрова, словно печью пользовались ещё совсем недавно.

На длинных верёвках под потолком сушились яблоки, груши, грибы, пучки мяты, зверобоя, полыни и ещё каких-то незнакомых растений. Воздух был густым от запаха древесины, сухих трав, мёда и чего-то сладкого, едва уловимого.

Посреди кухни, уперев руки в бока, стояла сияющая Вика.

– Ну? Я же говорила – отвал всего!

– Это... кухня? – Максим медленно обвёл взглядом поме-

щение.

– Ага.

– Да тут ресторан открыть можно...

– Или банкет для бояр закатить, – засмеялась Вика.

Максим снова посмотрел на печь.

– Слушай... а тебе не кажется...

– Что?

– Что эта кухня... больше всей квартиры?

Вика медленно обвела взглядом кухню. Провела ладонью по гладкой столешнице, заглянула в огромную русскую печь, потрогала тяжёлый чугунок, затем открыла один из шкафчиков, обнаружив внутри аккуратные стопки современной керамической посуды.

– Ну? – спросил Максим. – Ты у нас дизайнер. Что скажешь?

– Если честно... понятия не имею.

– В смысле?

– Это не деревенский стиль, не кантри, не лофт, не ретро... Тут вообще намешано всё подряд. Как будто бабушка прожила лет триста и каждую эпоху понемногу тащила к себе домой, – сказала она, пожав плечами.

– Звучит дорого, – усмехнулся Максим.

– Звучит странно, – поправила Вика. – Но, знаешь... мне даже нравится.

– Ну и отлично, – хлопнул в ладоши Максим. – Значит, ремонт пока откладывается. Давай лучше начнём отмечать,

пока остальные не приехали.

Он вдруг задумался.

– Кстати... В первой комнате я видел хрустальные бокалы. Сейчас принесу.

– Только, пожалуйста, без фокусов, – тут же сказала Вика.
– Не зависни опять перед ковром.

– Очень смешно.

– Я серьёзно.

– Да понял я, понял.

Максим быстрым шагом вышел в коридор. На этот раз он старательно не смотрел в сторону ковра. Зашёл, открыл стеклянную дверцу шкафа, взял два тяжёлых хрустальных бокала и почти бегом вернулся на кухню.

– Во! Видишь? Меньше минуты.

– Прогресс, – улыбнулась Вика.

Она забрала у него бокалы и подошла к мойке. Максим только сейчас обратил внимание, что рядом с огромной русской печью совершенно буднично стояла современная кухонная мебель. Хромированный смеситель поблёскивал под лампой, из крана с ровным шумом потекла вода.

– Слушай... – задумчиво произнёс он. – А я только сейчас понял...

– Что?

– Ну печь-то настоящая. – Он провёл ладонью по тёплой белёной кладке, затем перевёл взгляд на кухонный гарнитур.

– А рядом... обычная мойка. И водопровод есть... и хо-

лодильник. – Максим открыл высокий шкаф рядом.

Дверца мягко распахнулась. Внутри ровно горела лампочка. На полках стояли банки с вареньем, молоко, яйца, небольшая кастрюлька и аккуратно завёрнутый в полотенце круг сыра.

– Видишь? – усмехнулась Вика. – Все старики одинаковые.

– Не знаю... Я почему-то ожидал увидеть погреб.

Вика рассмеялась.

– Даже у «сказочной» бабки должна была быть нормальная кухня. 21-й век всё-таки.

– Да кто этих стариков поймёт, – пожал плечами Макс. – Значит, ещё не совсем из ума выжила, старая.

Вика тщательно ополоснула бокалы, поставила их на стол. Максим усмехнулся, взял со стола колонку и нажал кнопку питания.

– Сейчас будет правильная атмосфера.

Через секунду по кухне разлилась задорная мелодия старинной таверны: свист свирелей, дробь бубнов, весёлые скрипки и дружный мужской хор. Максим тут же схватил деревянную ложку и, словно кружку эля, поднял её над головой.

– Эй, трактирщик! Ещё кабанчика на вертеле! – Вика расхохоталась.

– И репу! Побольше репы!

– И медовухи! Бочонок!

Несколько минут они дурачились, изображая завсегдатаев средневековой таверны. Наконец Максим успокоился и преключил музыку.

– Всё. Пора возвращаться в двадцать первый век.

Следующая композиция ударила тяжёлым басом. Старый дубовый стол, огромная русская печь, связки сушёных трав под потолком и хрустальные бокалы соседствовали с пульсирующими электронными ритмами так нелепо, что оба снова невольно улыбнулись. Максим разлил виски по бокалам.

– Ну...

– За новоселье? – предложила Вика.

– За то, чтобы эта квартира приобрела нормальный вид, без вот этой вот деревенщины.

Они чокнулись. Хрусталь мелодично звякнул. Максим сделал глоток и тут же скривился.

– Тёплый...

– Сам виноват. Надо было заранее лёд купить.

– Подожди. – Он снова открыл холодильник. – Может, хозяйка...

Максим осёкся. На верхней полке лежал пакет с замороженными свиными ушами. Рядом – аккуратно сложенные копытца.

– Эм...

– Что там? – спросила Вика.

– Ничего... – На лице Максима медленно расплзлась ехидная улыбка. Он осторожно достал из морозилки боль-

шое свиное копыто и спрятал его за спину.

– Макс...

– Что?

– Я слишком хорошо знаю этот взгляд.

– Какой взгляд?

– Дебильный.

– Неправда. – Он сделал шаг вперёд.

– Даже не думай...

– Бу! – Максим резко выставил вперёд ледяное копыто.

– А-А-А! Идиот! – Вика с визгом отскочила и, смеясь, побежала вокруг стола. – Убери эту гадость!

– Иди сюда! Поздоровайся с Пятачком!

– Максим!

– Он хочет обниматься!

– Да пошёл ты!

Она схватила кухонное полотенце и попыталась ударить его, но Максим увернулся, продолжая размахивать замороженным копытом. В этот момент по квартире раздался громкий звонок в дверь. Оба замерли. Максим посмотрел сначала на копыто в своей руке, потом на Вику.

– Опа, по ходу, хавчик привезли!

Максим бросил замороженное копыто обратно в морозилку, захлопнул дверцу холодильника и быстрым шагом направился к входной двери. На пороге стоял молодой курьер в фирменной куртке с большим бумажным пакетом в руках.

– Ну наконец-то, – недовольно бросил Максим. – Я уже

думал, ты сам его готовил.

– Извините, просто...

– Да-да, пробки, дождь, магнитные бури. Всё, как всегда.

– Максим, не дослушав, выхватил пакет. И захлопнул дверь прямо перед носом курьера.

Вернувшись на кухню, он поставил пакет на стол. Вика заглянула внутрь.

– И это всё?

– В смысле?

– Макс... Тут максимум на двоих.

– Не понял... – нахмурился он.

Максим быстро вытащил телефон, открыл заказ и несколько секунд молча смотрел на экран.

– Да он половину заказа не принёс!

Не говоря больше ни слова, он бросился к входной двери и рывком распахнул её. По ту сторону кто-то испуганно вскрикнул.

– Ай!

На площадке, потеряв равновесие, рухнула невысокая девушка. Из её рук вылетели пакеты. Один сразу порвался, и крупа, яблоки, сосиски и бутылки с молоком разлетелись кругом. Несколько картофелин, выпавших из другого пакета, весело запрыгали по ступеням.

– Да ты издеваешься?! – раздражённо выдохнул Максим.

Девушка торопливо поднялась на колени.

– Простите... Я...

– Смотреть надо, куда идёшь!

Она растерянно посмотрела на рассыпавшиеся продукты и поспешно начала их собирать.

– Я просто...

– Просто что? Под ноги лезешь.

– Извините... – девушка опустила глаза.

– Серая мышь какая-то... Носишься по лестнице так, будто одна здесь живёшь.

Она открыла рот, явно собираясь что-то сказать. Но слова так и не сложились. Она лишь молча потянулась за укатившейся бутылкой с молоком.

– Да ну тебя. – Максим раздражённо махнул рукой.

Перепрыгивая через ступеньки, он выбежал на улицу. Во дворе уже никого не было. Самокат службы доставки исчез за поворотом.

– Вот чёрт! – Со злостью ударив кулаком по входной двери подъезда, Максим развернулся и быстро поднялся обратно.

Девушка всё ещё сидела на лестнице, аккуратно складывая уцелевшие продукты в оставшийся пакет. Она старалась действовать быстро, но дрожащие руки плохо слушались.

– До сих пор копаешься...

Максим бросил на неё раздражённый взгляд. Проходя мимо, он носком кроссовка небрежно задел пакет, и несколько картофелин снова покатались вниз по ступеням.

– Замечательно...

Не оборачиваясь, он вошёл в квартиру и с силой захлоп-

нул за собой дверь. За ней ещё некоторое время слышалось, как девушка копошилась на лестничной площадке.

Глава 2

Саша сидела перед закрытой дверью на коленях. По площадке всё ещё лениво катилось яблоко. Оно ударилось о перила, подпрыгнуло и наконец остановилось.

– Ну вот... – тихо вздохнула девушка.

Она подобрала его, машинально протёрла рукавом кофты и положила обратно в пакет. Рядом валялась упаковка сосисок. Чуть дальше – бутылка молока. Из порвавшегося пакета тонкой жёлтой струйкой сыпалась крупа, забиваясь в щели между ступенями. Саша виновато посмотрела на неё: «Эх... Надо было покрепче держать...» Она аккуратно собрала уцелевшие продукты. Подняла бутылку, проверила крышку. Не протекла – хорошо. Яблоки тоже почти все удалось найти. Только одно, кажется, куда-то скатилось на первый этаж.

– Ладно... Будем считать, что я его съела. – Она грустно улыбнулась самой себе. – Всё равно сама виновата... Нужно было ходить аккуратнее. Или проходить подальше от двери.

Саша тихо вздохнула. Она прекрасно понимала, что ни в чём не виновата. Но обижаться на людей ей никогда не нравилось. Да и толку?

Придерживая надорванный пакет снизу, она медленно поднялась ещё на один этаж. Девушка достала из кармана связку ключей и открыла дверь. Из квартиры сразу пахнуло жареным луком, стиральным порошком, старым деревом и

чьим-то ужином. Длинный коридор коммуналки был заставлен всем, чем только можно. Возле одной двери стоял старый детский велосипед без переднего колеса. У стены громоздились коробки с инструментами. Чуть дальше сушилось бельё на верёвках, натянутых прямо под потолком. На тумбочке скучали несколько цветочных горшков, в которых из последних сил цеплялась за жизнь герань. Чьи-то резиновые сапоги соседствовали с дорогими женскими туфлями, а рядом стояла большая клетка, накрытая старым полотенцем. Из-под него сонно чирикнула птица.

Саша осторожно закрыла дверь, чтобы никого не разбудить. Сняла кроссовки, поставила их на самую нижнюю полку старого обувного шкафа и надела домашние тапочки.

Когда-то они были белыми. Теперь ткань слегка пожелтела от времени, а мягкая подошва совсем истончилась. Только маленький голубой зайчик на правом тапочке всё ещё улыбался. Его когда-то вышила мама. Саша машинально провела пальцем по чуть потёртым ниткам и невольно улыбнулась:

– Держишься?.. – тихо сказала она зайчику.

Подхватив пакет, она зашагала дальше по коридору. Возле последней двери она остановилась. За ней было тихо. Саша осторожно поправила выбившуюся прядь волос, глубоко вдохнула, словно оставляя за порогом весь сегодняшний день, и только после этого тихонько нажала на ручку.

Комната, в которой жили Саша с матерью, была совсем

небольшой. Когда-то её пытались сделать уютной. На окнах висели аккуратно подшитые занавески, на стене – несколько старых фотографий в деревянных рамках, а на комодѣ стояла выцветшая фарфоровая балерина с отколотой рукой. Но время постепенно забирало своё. Обои местами отклеились, краска на подоконнике потрескалась, а старый линолеум возле двери потёрся почти до основания.

Посередине комнату разделяла плотная, выцветшая занавеска. По обе стороны от неё стояло по узкой кровати. За занавеской тихо сопела мама.

После тяжѣлой операции она так и не смогла полностью восстановиться. Врачи говорили осторожно, без лишнѣх надежд: долгий курс лечения, дорогие лекарства, постоянный уход. Работать она больше не могла, и каждый поход до кухни уже считался маленькой победой.

Когда это случилось, Саша без долгих раздумий забрала документы из института. Она училась на бюджете и мечтала стать учителем младших классов. Иногда ей до сих пор снился шум школьных коридоров, запах новых учебников и первая практика. Теперь вместо лекций были касса продуктового магазина, бесконечные ценники, коробки с товаром и ночные смены. Зарплаты едва хватало на коммунальные платежи, лекарства и самые простые продукты. О чём-то большем Саша давно перестала думать.

Она тихо поставила пакет на свою кровать. Матрас негромко скрипнул. Из-за занавески слышалось сонное:

«Сашенька?..» Девушка сразу подошла к маминой кровати.

- Я здесь.
- Ты... когда вернулась? – Женщина приоткрыла глаза.
- Да давно уже.
- А поспать успела?
- Конечно. – Саша улыбнулась. Это была неправда.
- Проснулась ещё утром. Просто сходила в магазин, пока ты спала.

Мама внимательно посмотрела на дочь, будто пыталась понять, говорит ли та правду.

- Не загоняй себя... слышишь?

- Не буду.

- Тебе отдыхать надо...

- Обязательно.

- Спи. Я рядом. – Саша поправила матери одеяло.

Женщина едва заметно кивнула. Через минуту её дыхание снова стало ровным. Саша ещё немного посидела рядом, убеждаясь, что мама действительно уснула, затем взяла пакет с продуктами и тихо вышла в коридор.

Кухня находилась через одну комнату. Дверь была открыта. Как и в любой коммунальной квартире, это помещение давно перестало принадлежать кому-то одному.

Вдоль стен выстроились сразу несколько холодильников – больших и маленьких, новых и таких старых, что их эмаль пожелтела от времени. Возле каждого стояла своя табуретка, висело своё полотенце, лежала своя разделочная доска.

На длинной общей столешнице теснились кастрюли, чайники, сковородки и кружки. Почти вся посуда была подписана маркером или помечена цветными наклейками. Под окном в ряд стояли три стиральные машины. Над ними сушились полотенца, детские колготки, рабочие фартуки и чьи-то мужские рубашки.

Кухня жила своей обычной жизнью. Тесной. Шумной. «Коммунальной».

Снизу доносились басы музыки. Через несколько секунд раздался громкий смех. Саша тревожно посмотрела в сторону двери: «Только бы маму не разбудили...»

Она подошла к самому старому холодильнику. Белая краска давно пожелтела, а дверца закрывалась только после лёгкого удара ладонью. Внутри продуктов было совсем немного. На верхней полке лежали несколько яиц, небольшой кусочек сливочного масла и банка домашнего варенья.

Саша аккуратно поставила рядом бутылку молока. Затем положила сосиски. Яблоки переложила в пластиковый контейнер без крышки. Закрывая холодильник, она задумалась: «Надо бы поискать ещё какую-нибудь работу. Может, получится устроиться куда-нибудь по вечерам... Или найти подработку на выходных. Тогда можно будет покупать маме лекарства не поштучно, а сразу на месяц. И, может быть... — она тяжело вздохнула, — хотя бы иногда проводить с ней время не между сменами».

— Саш?

Девушка вздрогнула и обернулась. В дверях кухни стоял Алексей. Он перевёл взгляд на её порванный пакет, затем на испачканный подол платья и остановился на сбитых коленях.

– Ты что... упала?

– А? Лёша... – смущённо прошептала Саша, поспешно опустив глаза. – Да... столкнулась с соседом снизу, когда он дверь открыл. Наверное, просто неудачно получилось...

– Не сильно ушиблась? – сказал он, нахмурившись.

– Да нет... всё нормально. – Саша отрицательно покачала головой.

– Точно?

– Угу.

Он ещё раз посмотрел на её испачканное платье, разбитые колени и порванный пакет.

– Может, хоть перекинь принести? Или пластырь?

– Не надо... Правда.

Наступила неловкая пауза. Алексей никогда не умел разговаривать с людьми. Особенно с Сашей. Каждый раз, когда она оказывалась рядом, все заранее придуманные фразы почему-то моментально исчезали из головы.

– А... это новые соседи? – наконец спросил он.

– Да. Сегодня въехали. – Саша кивнула.

– Там же раньше бабушка жила...

– Угу.

– Странная такая...

– Все говорили, что странная. – Саша ненадолго задума-

лась. – Только... мне она всегда казалась доброй.

– Мне тоже. – Лёша едва заметно улыбнулся.

Снизу вновь донёсся тяжёлый бас. Где-то этажом ниже громко рассмеялись. Саша невольно посмотрела на пол.

– Лишь бы маму не разбудили... – она сказала это совсем тихо. Скорее самой себе. – После операции она очень чутко спит.

Алексей тоже прислушался. Музыка действительно была слишком громкой.

– Мне ещё к экзамену готовиться... – поморщился он.

Несколько секунд они молча стояли друг напротив друга.

– Ладно... – тихо сказала Саша. – Извини... Мне пора.

Саша машинально поправила ручки порванного пакета и, не поднимая глаз, быстро прошмыгнула мимо Алексея.

– Спокойной ночи...

– И тебе...

Парень ещё долго смотрел ей вслед. Пока тихо не закрылась дверь её комнаты. Алексей остался на кухне один.

Он был самым обычным парнем, которого легко потерять в толпе. Среднего роста, худощавый, немного сутулый, с вечно растрёпанными волосами и очками, постоянно сползавшими на кончик носа. Зрение начало портиться ещё в старших классах, когда он буквально поселился за книгами, готовясь к поступлению, а в университете стало только хуже. Он учился на филолога-лингвиста и мог часами спорить о происхождении какого-нибудь слова или особенностях древ-

нерусских текстов, но стоило разговору зайти о чём-то личном, как все мысли моментально испарялись.

Родом Алексей был из небольшого посёлка, затерявшегося где-то среди лесов. Поступить в университет оказалось намного проще, чем получить место в общежитии. Без «подарка» коменданту свободных комнат неожиданно не нашлось, поэтому почти все накопленные деньги ушли на аренду крохотной комнаты в старой коммуналке. Днём были пары, вечером – подработка, а ночью – учебники, словари и конспекты. Такой ритм давно стал для него привычным.

Наверное, именно поэтому Саша так сильно выделялась среди всех, кого он встречал. Она почти никогда не жаловалась, всегда была приветливой и удивительным образом находила силы улыбаться, хотя каждый день ей приходилось работать, ухаживать за больной матерью и думать о том, как растянуть очередную зарплату до конца месяца. Алексей не раз ловил себя на мысли, что рядом с ней собственные трудности начинают казаться какими-то несерьёзными.

Постояв ещё немного, он выключил свет на кухне и вышел в коридор. Его комната находилась в самом конце квартиры, через стену от комнаты Саши. Проходя мимо соседской двери, он невольно замедлил шаг. За ней уже вовсю разгорался семейный спор.

– Опять музыку врубили! Хоть бы совесть имели! – раздражённо произнесла женщина.

Мужчина что-то неразборчиво пробормотал в ответ.

– Что? Не расслышала!

– Может... кто-нибудь полицию вызовет...

– Конечно! Само всё решится! Ты бы ещё предложил до утра подождать!

Мужчина снова что-то тихо промямлил, а женщина лишь тяжело вздохнула:

– Господи... Ну и тюфяк...

Алексей невольно улыбнулся. Подобные перепалки были здесь такой же частью коммунальной жизни, как скрип половиц или очередь в ванную по утрам. Постояв ещё несколько секунд, он открыл дверь своей комнаты и тихо вошёл внутрь.

Его комната была самой маленькой во всей квартире. Скорее не комната, а бывшая кладовка, которую когда-то переделали под жильё. Узкое окно почти упиралось в соседний дом, поэтому даже днём здесь царил полумрак. Свет старой настольной лампы давно стал для Лёши привычнее солнечного. Из мебели в комнате помещалось только самое необходимое: узкая кровать, небольшой письменный стол, старый платяной шкаф и шаткий стул, который жалобно скрипел при каждом движении.

Всё остальное пространство давно захватили книги. Они были повсюду. На полках, прибитых почти под самым потолком. На подоконнике. Аккуратными стопками под кроватью. На шкафу, где уже не осталось места для одежды. Толстые словари соседствовали с потрёпанными сборниками былин, научные труды по языкознанию – с пожелтевшими книгами

по истории славян, древними летописями, сборниками народных песен и сказок. Некоторые издания выглядели совсем новыми, другие, казалось, помнили ещё советские библиотеки, а пара книг вообще была переплетена вручную и пахла старой бумагой, клеем и временем.

Между книгами лежали раскрытые тетради, исписанные мелким аккуратным почерком, стопки карточек с незнакомыми словами, закладки из клочков туалетной бумаги и тонкие листы с выписками из словарей. На стене над столом висела большая карта славянских языков, испещрённая цветными пометками, а рядом – распечатанная схема родственных языковых групп с десятками приписок, понятных, пожалуй, только самому Алексею.

Он осторожно снял очки, устало потёр переносицу и опустился за стол. До экзамена оставалось совсем немного. Лёша открыл учебник, положил рядом конспект и попытался сосредоточиться.

«...Фонетические изменения праславянского периода...»

Он перечитал первую строчку. Снизу ударил тяжёлый бас. Следом раздался дружный смех. Лёша вздохнул и снова перевёл взгляд на страницу.

«...Ко второй группе...»

На этот раз снизу кто-то громко вскрикнул, после чего музыка стала ещё громче.

– Так... спокойно... – Он закрыл глаза.

Пальцы машинально постукивали по краю стола, пока

он пытался вернуться к тексту, но очередной взрыв хохота окончательно сбил мысль. Лёша захлопнул учебник.

– Да что ж такое...

Он поднялся и несколько раз прошёлся по комнате. От двери до окна было всего четыре шага.

«Были бы наушники... Хорошие, большие, с шумоподавлением», – подумал он. Тогда можно было бы просто выключить весь этот мир и спокойно готовиться к экзамену. Снизу снова грохнула музыка.

Лёша поморщился. Порывшись в ящике стола, он нашёл немного ваты, скатал два небольших шарика и заткнул ими уши. Стало немного тише. Ровно на несколько секунд. очередной бас прошёл через перекрытия, отдаваясь вибрацией в полу, а следом снова послышался громкий смех. Лёша обречённо вытащил вату, положил её на стол и тяжело вздохнул.

– Нет... Так я точно ничего не выучу...

Он ещё немного походил по комнате, пытаясь собраться с мыслями и проговаривая про себя, как именно стоит начать разговор с соседями, чтобы попросить убавить музыку. Ему это давалось тяжело: каждое заранее заготовленное слово звучало в голове неловко и неуверенно, и он уже почти решил, что пойдёт позже, когда в дверь тихо постучали. Лёша открыл её и на пороге увидел Сашу.

Она стояла, переминаясь с ноги на ногу. Платье уже сменяла на простую домашнюю одежду, а на коленях белели свежие пластыри. Саша не смотрела на него, будто ей было

неловко даже просто стоять здесь, и всё же тихо произнесла:

– Лёш... ты не мог бы... сходить со мной вниз? К соседям.

Она замялась и добавила почти шёпотом:

– Я сама не смогу. Мне страшно. – Она подняла взгляд лишь на секунду и тут же снова отвела его в сторону.

– Маме плохо становится, давление поднимается... ей нельзя сейчас нервничать.

Лёша на мгновение растерялся. Потом быстро заговорил, будто боялся, что его опередят:

– Да, я... я как раз собирался! Я уже думал идти! Просто... ну, не успел ещё!

Алексей говорил всё быстрее и быстрее, краснея от собственной торопливости и от того, что Саша пришла к нему первой. Внутри у него неприятно кольнуло: эта хрупкая, тихая девушка снова оказалась смелее его.

Он торопливо накинул лёгкую куртку, обулся и вышел вместе с ней в коридор. Когда они шли к входной двери, открылась дверь соседской комнаты, и в проёме показался лысоватый мужчина в майке-алкоголичке.

– О, молодёжь пошла разбираться, – довольно протянул он им вслед. – Вот и правильно. Построже с ними.

Он обернулся вглубь комнаты:

– Я же говорил! Люди сами сходят, не надо никуда лезть! Молодые друг друга лучше поймут!

Изнутри тут же донёсся женский голос:

– Ты, тюфяк! Даже Сашка-тихоня и та пошла, а ты сидишь

тут, как пень старый!

– Да я ж говорю, сейчас всё решится...

– Да ты всегда так говоришь!

Дверь резко захлопнулась, и дальнейшие слова потонули в глухом гуле квартиры. Лёша и Саша переглянулись и молча продолжили идти к выходу.

Они вышли из квартиры и спустились на нижний этаж.

Перед дверью Саша остановилась чуть в стороне, инстинктивно держась ближе к стене – будто всё ещё опасаясь, что её могут снова ударить открывшейся дверью. Алексей стоял ближе, но тоже не спешил нажимать на звонок. Он снова и снова прокручивал в голове фразы, которые собирался сказать, и от этого пальцы у него невольно сжимались в кулаки до побелевших костяшек.

За дверью гремела музыка. Смех перекатывался через стены, будто квартира была не просто жилым помещением, а какой-то шумной таверной. Лёша всё-таки решился и нажал на звонок. Ничего. Он нажал ещё раз. Снова тишина, которую тут же забил бас. Сзади тихо, почти неуверенно, сказала Саша:

– Может... не надо? Я маму просто укрою получше... ватой уши закрою...

Но Лёша уже почти ничего не слышал. Сердце билось так громко, что казалось – оно перекрывает и музыку, и голос. Он резко выдохнул и начал стучать. Сначала осторожно. Потом сильнее. Потом уже так, что дверь дрожала под ударами.

– Эй! Откройте!

После нескольких секунд дверь резко распахнулась. Перед ними появился человек, который явно решил, что он в центре собственной вечеринки. На нём была расстёгнутая рубашка с закатанными рукавами, будто он специально изображал из себя «хозяина жизни». Волосы растрёпаны, взгляд чуть пьяный от шума и алкоголя, на лице – раздражённая ухмылка человека, которого отвлекли от «очень важного отдыха». В одной руке он держал странную тряпичную маску с вышитыми славянскими узорами – явно часть какого-то дурацкого «антуража», во второй – стакан, в котором плескалось что-то тёмное.

Он театрально прищурился, оглядел Лёшу и Сашу и, будто объявляя сцену, громко протянул:

– Добро пожаловать в царство мёртвых! Где вас ждут разврат, алкоголь и прочие блага внеземной жизни!

На секунду повисла тишина. Даже музыка будто стала тише. Лёша и Саша переглянулись.

– Эм... – начал Лёша.

– А вы вообще кто? – Максим моргнул, словно только сейчас понял, что это не его «друзья по тусовке».

– Мы... мы сверху, – сказала Саша, сделав шаг назад.

Максим перевёл пьяный взгляд на неё.

– О, погоди-ка... – усмехнулся он. – Я тебя знаю. Это ты тогда под ногами путалась.

Саша сжала губы, но ничего не ответила. Максим смял

маску и бросил её куда-то на тумбочку и раздражённо выдохнул:

– Чё вам надо-то?

Лёша сделал шаг вперёд. Сначала он хотел говорить спокойно. Вежливо. Как нормальный человек. Но вместо этого из него вырвалось слишком быстро, слишком нервно:

– У вас музыка слишком громкая! У нас там люди живут! Пожилые... больные... у нас экзамены... вы просто не можете так... – он запнулся, вдохнул и продолжил уже тише, но всё ещё напряжённо, – просто сделайте потише, пожалуйста.

Максим скривился, будто услышал что-то крайне неприятное.

– Ты кто вообще такой, очкарик? – лениво бросил он. – Тебя сюда кто звал?

– Я просто прошу... – вспыхнул Лёша.

– Ты не просишь, ты мне рассказываешь, как жить, – перебил Максим. – Не нравится – дверь там.

– Там мама больная... ей плохо становится от шума... – Саша попыталась вмешаться, голос её дрогнул.

– Ну так лечите маму, а не ко мне претензии. – Максим даже не дослушал. Он махнул рукой, будто отгоняя надоедливых людей. – Не устраивает – съезжайте.

– Макс, кто там вообще? – раздался голос Вики из глубины квартиры.

– Да недовольная челядь сверху! Жалуются, что мы им жить мешаем! – не оборачиваясь, крикнул он.

– Ну так пусть не живут тут, если не нравится, – хмыкнула Вика.

– Вот! – тут же подхватил Максим. – Я то же самое и сказал!

Где-то в глубине квартиры раздался ровный, тяжёлый звон. Часы. Но звук был странный – не просто ритмичный. Он будто «проваливался» между ударами, как если бы пространство на секунду запаздывало. Лёша замер. Глаза его чуть расширились. Музыка, раздражение, злость Максима – всё это резко ушло на второй план. Он даже не понял, когда перестал слышать людей.

– Часы... – тихо выдохнул он.

– Чего? – нахмурился Максим.

Но Лёша уже не смотрел на него. Он сделал шаг вперёд. Потом ещё один. Максим инстинктивно сдвинулся в сторону, но Лёша, неожиданно для самого себя, мягко, почти механически, отодвинул его плечом и вошёл в квартиру.

– Эй! Ты вообще охренел?! – опешил Максим.

Но Лёша уже шёл внутрь, как будто его тянули за невидимую нить. Саша на секунду замерла на пороге. Потом тихо вдохнула – и шагнула следом. Максим, не найдя что сказать, последовал за незваными гостями, закрыв за собой дверь.

Лестничная площадка опустела.

Глава 3

Максим раздражённо посмотрел на незваных гостей.

Лёша уже стоял возле часов. От недавней нерешительности не осталось и следа. Он подался вперёд, почти касаясь носом потемневшего деревянного корпуса, и с каким-то детским восторгом разглядывал циферблат, резные узоры и медленно раскачивающийся маятник. Губы его беззвучно шевелились – он что-то считал или пытался прочесть едва различимые символы, вырезанные по краям корпуса.

Саша остановилась чуть позади. Она чувствовала себя здесь совершенно лишней и потому старалась занимать как можно меньше места. Опустив глаза, девушка теребила край рукава и время от времени тревожно поглядывала то на Лёшу, то на хозяев квартиры.

Вика стояла в глубине коридора, скрестив руки на груди, и откровенно сверлила незваных гостей взглядом.

– Эй! – окликнул Максим. – Очкарик! – Никакой реакции. – Я с тобой разговариваю!

Лёша будто вообще перестал замечать окружающий мир. Он осторожно наклонился к циферблату.

– Не может быть... – пробормотал он. – Нет, это же... Хотя механизм... Если только...

– Лёша... – тихо позвала Саша.

Тот не отреагировал и на неё. Максим окончательно по-

терял терпение. Он шагнул вперёд, плечом оттолкнул оказавшуюся на пути Сашу и крепко схватил Алексея за плечо.

– Ты что, совсем оглох, ботан?

Лёша вздрогнул и резко обернулся. Несколько секунд он смотрел на Максима совершенно непонимающим взглядом, словно только сейчас вспомнил, где находится.

– Что?

– Я спрашиваю: ты какого хрена вломился ко мне в квартиру и лапаешь мои вещи?

– Я не лапаю! – Лёша поправил съехавшие очки и тут же снова указал на часы. – Ты вообще понимаешь, что у тебя здесь висит?

– Часы.

– Часы?... – замер Алексей.

– Ну да. Большая деревянная штука, стрелочки, маятник. Часы.

– Да это я вижу! – неожиданно громко выпалил Лёша. – Я спрашиваю, ты понимаешь, что это за часы?

– Походу, ботан сломался, – посмотрев на Вику, сказал Максим.

– Макс, выпроводи их уже, – раздражённо бросила она.

Но Лёша её будто не слышал. Возбуждение окончательно пересилило и страх, и смущение. Он заговорил быстро, проглатывая окончания и перескакивая с одной мысли на другую:

– Посмотри на корпус! Видишь резьбу? Вот здесь, вокруг

циферблата. Это не украшение. Здесь солярные знаки, птицы, древо... а вот это я вообще видел только на рисунке! В книге! То есть не эти конкретно часы, конечно, а описание... Я думал, автор всё придумал или перепутал при переводе...

– Ты можешь нормально говорить?

– Они очень старые!

– Спасибо, Капитан Очевидность.

– Нет, ты не понимаешь! – Лёша снова повернулся к часам. Теперь он едва ли не светился от восторга. – Если я прав, это может быть один из первых образцов механических часов такого типа. Может, вообще один из первых сохранившихся!

– Ага. Конечно. И бабка их у динозавров купила, – приснул Максим.

– При чём тут динозавры?! – возмутился Алексей и тут же продолжил, уже почти захлёбываясь словами: – Тут механизм не должен совпадать с корпусом! Понимаешь? Сам принцип появился значительно позже некоторых символов, которые здесь использованы. А они не вырезаны потом – резьба состарилась вместе с деревом. И бой... Бой вообще неправильный!

Последняя фраза заставила Максима чуть нахмуриться:

– В смысле неправильный?

Алексей замолчал. Его взгляд снова переместился на часы. Маятник размеренно качнулся в одну сторону. Тик. В другую. Так.

– Я поэтому и услышал, – уже гораздо тише произнёс Лёша. – Они быют не так, как должны.

– И как они, по-твоему, должны бить? – Максим посмотрел на часы, затем на Алексея.

– Вот это я и пытаюсь понять. – Лёша медленно приблизился к циферблату.

Максим ещё несколько секунд смотрел на Алексея, потом перевёл взгляд на часы. На его лице медленно появилась ехидная улыбка.

– Слушай... – протянул он и покосился на Вику.

Та сразу заметила знакомое выражение и вопросительно приподняла бровь.

– Если тебе так понравились часы динозавров, то для тебя у меня есть просто шикарная новость! – Лёша оторвался от циферблата.

– Да при чём тут динозавры?

– Ну не динозавры. Не суть! – Максим отмахнулся. – Сейчас я тебе такое покажу, что ты вообще выпадешь. Прямо здесь. Скорую придётся вызывать.

Вика тихо фыркнула, прикрыв улыбку ладонью.

До Алексея наконец начало доходить, что никакой серьёзной беседы не получается. Этот человек откровенно издевался над ним, а его восторг от часов только давал для этого новые поводы. Лёша нахмурился, поправил очки и сделал шаг к выходу.

– Очень смешно.

– Да ты чего сразу обиделся? – Максим тут же оказался рядом и по-хозяйски обнял его за плечи, разворачивая обратно в сторону квартиры. – Я серьёзно! Ты просто не понимаешь, куда попал. Тут этих древностей – завались! Статуэтки какие-то, фотографии дореволюционные, книги, банки с костями...

– Ма-акс... – протянула Вика, уже откровенно забавляясь происходящим.

– Подожди, я человеку культурную программу провожу. Лёша попытался освободиться, но Максим оказался и крупнее, и настойчивее. Он всё сильнее нависал над ним, заговорщицки понижая голос, словно действительно собирался раскрыть величайшую тайну человечества.

– А комната там вообще... – Максим неопределённо махнул рукой в сторону коридора. – Целый мир древностей! Шкафы от пола до потолка. Фотки каких-то мутных типов. Амулеты. Талисманы. Блюда волшебные. Ковёр...

– Лёш... пойдём отсюда, – тихо сказала Саша.

Она осторожно потянула его за рукав. Алексей посмотрел на неё, потом на ухмыляющегося Максима и наконец нашёл в себе силы высвободить плечо.

– Ты мне какую-то дичь втираешь, – выпалил он. – Никаких «волшебных блюд» не бывает. Ты просто решил поиздеваться, потому что я заинтересовался часами.

– Я? – Максим отпустил его и с самым невинным видом развёл руками. – Да пожалуйста. Не веришь – не надо. Дверь

вон там. Никто тебя здесь не держит.

– Вот и отлично, – неожиданно для самой себя сказала Саша.

Она первой направилась к выходу. Правда, сделав несколько шагов, заметила, что Лёша за ней не идёт, и остановилась. Алексей всё ещё стоял на месте. Максим тем временем успел снять с одной из полок маленькую фигурку, сплетённую из сухой соломы. У неё не было лица – только перетянутая красной нитью голова, длинные руки и подобие платья, украшенного несколькими выцветшими лоскутками.

Макс взял фигурку двумя пальцами и медленно провёл ею перед лицом Алексея. Влево. Вправо. И снова влево.

– Смотри на куколку, ботан... – заговорил он нарочито низким голосом. – Ты чувствуешь непреодолимое желание узнать, какие ещё сокровища скрывает квартира безумной бабки...

– Перестань, – буркнул Лёша. Но взгляд от фигурки не отвёл.

Максим это заметил. Его ухмылка стала ещё шире.

– Вик, иди сюда. Кажется, у нас ботан на приманку клюнул. – Продолжая раскачивать соломенную куклу перед Алексеем, свободной рукой он поманил Вика к себе.

– Я ни на что не клюнул, – возмутился Лёша.

– Конечно-конечно.

– Это просто обрядовая кукла.

– Чего? – Максим замер.

Алексей осторожно взял его за запястье и приблизил фигурку к глазам.

– Я говорю, это не просто «куколка». По крайней мере, очень похожа на обрядовую. Только я таких не видел... Здесь даже узлы завязаны странно.

Максим посмотрел на Вику. Та уже с трудом сдерживала смех.

– Всё, – торжественно объявил он. – Пропал человек.

– Лё-ёш... – Саша всё ещё стояла возле двери.

– Одну минуту, – не отрывая взгляда от фигурки, пробормотал Алексей.

Саша обречённо вздохнула. Ещё минуту назад именно она уговаривала его набраться смелости и спуститься сюда. Теперь, похоже, предстояло набираться смелости, чтобы утащить его обратно.

Продолжая издеваться, Максим медленно попятился по коридору, всё так же раскачивая соломенную фигурку перед лицом Алексея, словно рыбак особенно удачную наживку.

– Ну же... иди сюда... Сейчас дядя Макс покажет тебе настоящие сокровища древних цивилизаций.

Лёша остался стоять возле часов.

– Я вообще-то не собираюсь участвовать в этом идиотизме.

– Конечно не собираешься.

Максим сделал ещё несколько шагов и снова качнул фигуркой. Лёша посмотрел на Сашу, потом на куклу, потом на

удаляющегося Макса.

– Я только посмотрю, что это за фигурка...

– Ну естественно, – прошептал Максим.

Лёша нерешительно двинулся следом. Макс едва удержался от смеха. Так, шаг за шагом, он довёл Алексея до первой комнаты, спрятал фигурку за спину, свободной рукой взялся за дверную ручку и с театральным размахом распахнул дверь.

– Вот оно! Твоё царство сказок, о уставший четырёхглазый путник!

Вика расхохоталась. Но Лёша её уже не слышал. Он застыл на пороге. На несколько мгновений у него действительно перехватило дыхание.

За стеклянными дверцами шкафов теснились сотни вещей, о существовании которых он до сих пор знал лишь из книг, старых этнографических сборников и простеньких чёрно-белых иллюстраций на пожелтевших страницах. Обрядовые куклы, деревянные фигурки, амулеты, вышитые полотенца, потемневшие от времени украшения, странные сосуды, свитки, книги, фотографии... Знакомые формы и символы вдруг обрели объём, цвет и фактуру. То, что прежде существовало для него только в виде слов, теперь находилось на расстоянии вытянутой руки. Лёша даже не решался переступить порог. Максим заглянул ему в лицо и помахал ладонью перед глазами.

– Приём! Земля вызывает ботана.

Никакой реакции. Макс повернулся к Вике.

– Походу, всё. Окончательно завис.

Вика хихикнула. Максим вдруг широко распахнул глаза, словно его посетило озарение.

– А-а-а вот и волшебный переагрузочный пендуль! – Он с размаху отвесил Алексею пинка под зад.

Лёша споткнулся, сделал несколько быстрых шагов и оказался посреди комнаты. Максим с Викторией заржали в голос. Алексей же будто вообще не заметил произошедшего. Поправив очки, он тут же метнулся к ближайшему шкафу.

– Подождите... Это что, настоящая зернь? Нет, не может быть... А это... Макс! Посмотри сюда! Ты хоть понимаешь, что это такое?

– Конечно, – сквозь смех отозвался тот. – Штука.

– Это не «штука»! Это... – Лёша уже перебрался к следующему стеллажу. – А вот это вообще... Нет. Нет-нет-нет. Таких не сохранилось. По крайней мере, я читал, что не сохранилось... Хотя если датировка неправильная...

Он переходил от шкафа к шкафу, бормоча себе под нос, периодически оборачиваясь и пытаясь что-то объяснить остальным. Правда, слушателей среди присутствующих явно не находилось.

Отсмеявшись, Вика первой вошла в комнату. Проходя мимо Максима, она покосилась на восторженно мечущегося между стеллажами Алексея.

– Может, оставим его? Ребята придут – хоть поржать будет

над чем.

– Вестимо, – важно ответил Максим. И тут же осёкся.

– Чего? – Вика остановилась.

– Да ничего. – Макс нахмурился. «Вестимо»? Он никогда так не говорил.

– Ты какой-то странный сегодня.

– Нормальный я.

Вика несколько секунд подозрительно смотрела на него, потом фыркнула и направилась к дивану.

– А рубашечку-то застегни, боярин. Пупок простудишь.

Максим машинально опустил глаза. Рубашка действительно была расстёгнута почти до живота.

– Очень смешно. – Он быстро застегнул несколько пуговиц и вошёл следом.

Саша осталась в коридоре одна. Из комнаты доносился голос Лёши:

– Да послушайте вы! Вот эти символы – они встречаются в северных записях девятнадцатого века, но там прямо сказано, что... – Его заглушил очередной взрыв смеха.

Саша тяжело вздохнула. Несколько секунд она смотрела в сторону входной двери. До неё было всего несколько шагов. Можно было просто уйти. Вернуться наверх, проверить маму и забыть весь этот вечер как очередную неприятность. Она уже почти решилась. Потом из комнаты снова донеслось возбуждённое:

– Саш! Саш, ты только посмотри!

– Ну конечно... – Девушка прикрыла глаза.

Она медленно побрела к комнате с таким видом, словно направлялась не за Лёшей, а на каторгу. Остановившись в дверном проёме, Саша увидела совершенно нелепую картину. Лёша с горящими глазами стоял возле одного из шкафов и, активно жестикулируя, пытался что-то доказать Максиму. Тот прислонился к стене и слушал его с выражением человека, которому гораздо интереснее наблюдать за самим рассказчиком, чем понимать хоть слово из рассказа. Вика уже устроилась на диване и, обхватив руками живот, снова заходилась от смеха.

Саша обречённо прислонилась плечом к дверному косяку. Похоже, быстро уйти отсюда уже не получится.

Немного успокоившись, Вика наконец заметила Сашу, всё это время стоявшую в дверях. Окинув девушку быстрым взглядом с головы до ног, она подвинулась на диване.

– А ты чего там застыла? Присаживайся, раз уж припёрлась. Вместе концерт смотреть будем.

Саша неуверенно посмотрела сначала на неё, потом на входную дверь. Уходить одной, оставив Лёшу на растерзание этим двоим, казалось как-то неправильно, но и садиться рядом с Викой ей совершенно не хотелось.

– Ну давай, чего ты ломаешься? – Вика похлопала ладонью по свободному месту рядом с собой. – Никто тебя здесь не укусит. Ведьма, которая тут жила, уже померла.

Последние слова показались ей настолько забавными, что

она снова рассмеялась. Саша слабо улыбнулась, скорее из вежливости, и всё-таки вошла в комнату. До дивана она не дошла, остановившись возле его края, будто оставляла себе возможность в любой момент развернуться и уйти.

Тем временем Лёша продолжал что-то горячо доказывать Максиму. В руках у него оказался небольшой потемневший предмет, похожий на подвеску или часть старого украшения. Алексей то подносил его ближе к свету, то поворачивал боком, показывая едва различимый орнамент.

– ...и посмотри на обработку края! Сейчас так специально состарить можно, конечно, но здесь совсем другое. Если это действительно то, о чём я думаю, ей может быть несколько сотен лет. А может, и больше. Нужно смотреть материал, способ изготовления, проводить анализ...

Чем дольше он говорил, тем меньше оставалось первоначального восторга. Лёша наконец начал замечать, что Максим не столько слушает его, сколько откровенно наслаждается представлением. Макс вытер выступившую от смеха слезу и вдруг совершенно преобразился. Улыбка исчезла, лицо стало сосредоточенным и почти деловым.

– Погоди.

– Что? – насторожился Лёша.

– Древность, говоришь?

– Ну... возможно.

– Насколько древняя?

– Я же объясняю, без экспертизы нельзя... – Алексей по-

правил очки.

– Да не это. – Максим нетерпеливо махнул рукой. – Насколько она древняя... ну, в деньгах?

Лёша несколько секунд молча смотрел на него.

– Как это – в деньгах?

– Господи, ботан. – Макс вздохнул. – Сколько за неё дать могут?

– Продать?! – В глазах Алексея отразился почти физический ужас.

– Ну.

– Ты не можешь её просто продать!

– Почему?

– Потому что это может быть историческая ценность!

– Тем более.

– Что «тем более»?!

– Дороже уйдёт. – Максим пожал плечами.

– Да ты вообще понимаешь, о чём говоришь?! – Лёша снова начал заводиться. – Если вещь действительно настолько старая, её сначала должны изучить специалисты. Установить происхождение, возраст, регион... Возможно, она вообще уникальна! Такие вещи должны находиться в музее, а не продаваться какому-нибудь коллекционеру!

Максим слушал его с неожиданно серьёзным выражением лица.

– Угу.

– Это же история! Причём не просто какой-нибудь быто-

вой предмет. Здесь символика, которую я раньше встречал только в описаниях. Если остальные вещи в комнате того же происхождения, тут может оказаться целая коллекция, имеющая огромное значение для изучения истории Руси, славянских верований, фольклора... – Лёша воодушевился.

– Угу. Угу. – Максим несколько раз задумчиво кивнул.

– Вот! – Лёша наконец почувствовал, что сумел до него достучаться. – Поэтому нельзя просто взять и всё распродать.

– Согласен.

– Правда? – Алексей даже растерялся.

– Конечно.

Максим выдержал паузу.

– Оптом дешевле получится.

Несколько секунд Лёша просто смотрел на него. Вика первой поняла, что произошло, и прыснула со смеху. Максим ещё пытался сохранить серьёзное выражение лица, но уголки губ предательски поползли вверх. Он отвернулся, прикрыл рот кулаком, продержался ещё секунду и тоже не выдержал.

– Да иди ты! – выпалил Алексей.

– Ты бы... ты бы видел сейчас своё лицо! – Макс согнулся от хохота.

Вика снова повалилась на спинку дивана.

– Дебилы... – Лёша покраснел до ушей и сердито отвернулся к шкафу.

– Что? – сквозь смех переспросил Максим.

– Ничего!

Саша, всё ещё стоявшая возле дивана, посмотрела на обиженного Лёшу. Потом на хохочущих Макса и Вику. И едва заметно улыбнулась. Совсем чуть-чуть. Потому что, хотя ей и не хотелось этого признавать, со стороны всё действительно выглядело немного смешно.

Вика заметила мимолётную улыбку Саши и тут же ухватила её за запястье.

– Да садись ты уже! А то стоишь тут, как мышь у плинтуса.

Она резко дёрнула девушку на себя. Саша не удержалась на ногах и буквально рухнула на диван. Внутри что-то жалобно хрустнуло, а из-под сиденья донёсся сухой треск.

Вика на секунду замерла, а потом снова залилась смехом.

– Ни фиги себе! А по виду и не скажешь, что ты такая пухляшка!

Саша вспыхнула, поспешно отодвинулась на самый край дивана и опустила глаза.

– Это... не я. Он сам хрустнул...

– Конечно сам, – продолжала смеяться Вика. – Я никому не скажу.

Саша ничего не ответила. Только сложила руки на коленях и стала разглядывать собственные пальцы, всем своим видом показывая, насколько сильно сейчас хотела оказаться где-нибудь в другом месте.

Максим тем временем продолжал крутиться возле Лёши.

Первая удачная шутка явно раззадорила его, и теперь он подсовывал Алексею всё новые предметы, пытаясь снова вывести того на пространную лекцию.

– А вот эта хреновина сколько стоит?

– Не знаю. – Лёша даже не повернулся.

– А если серебряная?

– Отнеси оценщику.

– А вот эта?

– Слышь...

– Что?

– Отстань.

– О-о-о, какие мы обидчивые.

Алексей демонстративно отвернулся к шкафу и принялся рассматривать лежавшую за стеклом старую книгу. Максим уже собирался придумать новую глупость, когда его взгляд упал на противоположную стену. На ковёр.

– Слушай, ботан... – Улыбка медленно вернулась на его лицо.

– Что ещё? – Лёша тяжело вздохнул.

– А у меня для тебя последний экспонат. Эксклюзивный.

– Неинтересно.

– Да ты сначала посмотри. Ковёр! Наверное, персидский. Или около того. Старый – жуть.

Алексей нехотя обернулся. И замолчал. Максим сразу это заметил.

– Ага! – довольно воскликнул он. – Всё-таки интересно!

Он пробежал через комнату, остановился перед ковром и широко раскинул руки, словно представлял публике главное сокровище выставки:

– Та-да-а-а!

Лёша посмотрел сначала на него, затем на ковёр.

– Нет.

– Чего нет? – Руки Максима медленно опустились.

– Не персидский. Даже близко.

– Ну спасибо. А я уже на «Авито» собрался выставлять.

Но Алексей его больше не слушал. Он медленно подошёл к ковру. Чем ближе становился узор, тем сильнее менялось выражение его лица. Недавняя обида исчезла. Лёша снял очки, протёр их краем футболки, снова надел и сделал ещё шаг. Теперь он стоял почти вплотную к ковру.

– Странно...

– Что, всё-таки персидский? – Максим немедленно пристроился рядом.

– Помолчи немного.

– Чего?

– Просто... помолчи.

В голосе Алексея впервые прозвучала такая уверенность, что Максим неожиданно действительно замолчал. Лёша медленно провёл взглядом по полотну. Ковёр был огромным и занимал почти всю стену. В центре раскинулось дерево с тяжёлыми ветвями, уходившими к самому верхнему краю. Между ними сидели птицы с длинными хвостами; ниже, сре-

ди переплетённых корней, крались волки, бежали олени и прятались маленькие человеческие фигурки. По краям тянулся сложный орнамент из ромбов, ломаных линий, солнцеворотов и странных знаков, которые легко было принять за обычные элементы узора. Но Лёша смотрел именно на них.

– Вот это... – Он указал на одну из полос вдоль края. – Это не орнамент.

– А что? – Максим наклонился ближе.

– Письмо.

– В смысле, там что-то написано? – Вика перестала смеяться.

– Похоже на то. – Лёша сделал шаг в сторону, следуя глазами за цепочкой символов. – Я видел похожие знаки. Не такие, конечно... Но принцип тот же. Часть напоминает ранние славянские начертания, часть вообще непонятно откуда взялась. Если я правильно понимаю структуру, символы здесь повторяются не как декоративный узор. У них есть последовательность.

Он указал на другую часть полотна.

– И сам ковёр странный. Очень странный.

– Что опять не так? – уже без прежней насмешки спросил Максим.

– Техника. – Лёша осторожно приблизил руку к полотну, но касаться не стал. – Так уже очень давно не ткут. Здесь почти нет отдельных цветных участков – рисунок создаётся

переплетением самих нитей. Причём посмотрите на переходы. Волк, например. Видите шерсть? Она не вышита поверх. Это часть основы.

Максим прищурился. Вика поднялась с дивана. Даже Саша перестала разглядывать свои руки и посмотрела на ковёр.

– И насколько он старый? – спросила Вика.

Лёша некоторое время молчал.

– По одному виду я не скажу. И вообще такие вещи нельзя датировать, просто посмотрев на них. Но если это действительно та техника, на которую похоже... – Он снова прошёлся взглядом по полотну. – Древняя Русь. Возможно, раньше.

– Раньше – это когда? – Максим усмехнулся, но уже не так уверенно.

– До Руси.

В комнате стало неожиданно тихо. Лёша приблизился ещё на полшага. Сейчас он уже не замечал ни Максима, ни Вику, ни Сашу. Перед ним была загадка, которая не укладывалась ни в одну знакомую ему схему.

– Только этого не может быть...

– Чего? – тихо спросила Саша.

Алексей указал на человеческие фигуры возле корней дерева.

– Посмотрите на одежду. А теперь сюда. – Палец переместился выше, где среди ветвей виднелись другие люди. – Здесь она уже совсем другая. И оружие другое. Вот тут лук, копья... дальше мечи... а здесь уже сабли. – Он начал быст-

ро вести пальцем снизу вверх, не касаясь ткани. – Этот ковёр не изображает один момент.

Теперь уже никто не смеялся.

– А что он изображает? – спросила Вика.

– Не знаю. – Лёша долго всматривался в переплетение фигур.

Он помолчал и добавил:

– Но мне кажется, какую-то историю.

Повисла тишина. Все смотрели на ковёр, словно теперь, после слов Алексея, видели его впервые. Саша тоже не могла отвести взгляд. Ей казалось, что чем дольше она всматривается в узор, тем больше замечает деталей, которых секунду назад там будто не было. Вот между деревьями притаилась маленькая фигурка. Чуть выше летели птицы. Ещё дальше люди стояли вокруг костра, а за их спинами темнел лес.

На мгновение Саше почудилось, что одна из птиц повернула голову. Она вздрогнула и поспешно поднялась с дивана.

– Что такое? – тихо спросил Лёша.

– Ничего...

Саша отошла на несколько шагов и остановилась сбоку от дивана, подальше от ковра.

Первой оцепенение стряхнула Вика.

– Так! Я всё поняла!

Трое посмотрели на неё.

– Бабка просто сделала здесь винтажную фотостудию! – Она хихикнула и быстро достала телефон. – А мы стоим, ту-

пим, историю Руси ищем. Давайте, скучковались все вместе! А то в кадр не влезаете. Располнили, что ли?

Последние слова она произнесла, мельком покосившись на Сашу. Девушка заметила взгляд и сразу покраснела.

– О! Отличная идея! – подхватил Максим. Он схватил Лёшу за плечи и потащил к дивану. – Иди сюда, профессор. Будет тебе фотография с историческим экспонатом.

– Да отпусти ты! Я сам...

Максим плюхнулся на диван и практически уронил Алексея рядом с собой. Изнутри донёлся знакомый треск. Ткань натянулась, а где-то под сиденьем жалобно хрустнула деревянная перекладина. Вика замерла с телефоном.

– Ну вот! Я же говорила, разнесло вас всех!

– Это вот эти двое, – заржал Максим, указав сначала на Лёшу, а потом на Сашу. – Я-то за собой слежу.

Саша совсем стушевалась и отвернулась.

– Между прочим, диван старый, – сердито заметил Алексей. – Древесина могла просто рассохнуться.

– Даже диван защитил! – прыснула Вика. – Всё, сидите!

Она отступила к противоположной стене, сделала несколько фотографий, но результат её явно не устроил.

– Ну чего вы такие недовольные? – Вика состроила печальную гримасу. – Улыбочку! Вы не на похоронах!

– Вик, давай к нам! – позвал Максим. – Селфач бахнем!

– Вот это другое дело!

– Садись рядом с ботаном. Ему приятно будет – когда ещё

возле такой красотки посидит.

– Да иди ты... – Лёша моментально покраснел.

– Ой, засмутился!

Смеясь, Вика плюхнулась на диван между ними. Тот снова жалобно хрустнул. Все трое на мгновение замерли.

– Это не я, – первым произнёс Лёша.

– Тихо! Не дышать! – Вика вытянула перед собой телефон. – Селфи-и-и!

Она придвинулась к Максиму, другой рукой обхватила Лёшу за шею и попыталась втиснуть всех троих в кадр.

– Эй, мышка! Ты чего там одна? Иди сюда!

– Я лучше здесь постою. – Саша помотала головой.

– Да хорош ломаться! Иди!

– Правда, не надо... – Девушка посмотрела на Лёшу.

Саша нехотя приблизилась к дивану, но садиться всё равно не стала.

– Вот! – скомандовала Вика. – Наклонись сюда, а то тебя не видно.

Саша осторожно наклонилась.

– Ещё!

– Я сейчас на вас упаду...

– Не упадёшь. Давай! Все сюда! Три...

Где-то внутри дивана громко щёлкнуло.

– Эм... – Максим перестал улыбаться.

– ...два...

– Лёш... – Саша настороженно посмотрела вниз.

– ...один!

Раздался оглушительный хруст. Диван разом просел под ними. Вика взвизгнула, Лёша провалился куда-то между подушками, а Максим, пытаясь удержаться, схватился за подлокотник, который тут же остался у него в руке. Саша от неожиданности отшатнулась. Край тапочка зацепился за сломанный диван.

– Ай! – Она потеряла равновесие и вслепую выбросила руку вперёд, пытаясь за что-нибудь ухватиться.

Пальцы вцепились в плотную шероховатую ткань. Ковёр. На мгновение он удержал её. Саша даже успела облегчённо выдохнуть. А потом сверху послышался сухой треск. Она испуганно подняла голову.

– Ой...

Крепление вырвало из стены. Тяжёлый ковёр качнулся вперёд.

– Мамочки! – успела вскрикнуть Саша.

Ковёр рухнул. Плотная ткань тяжёлой волной накрыла и развалившийся диван, и барахтающихся на нём ребят, и саму Сашу. Стало темно.

– Какого хрена?! – донёсся приглушённый голос Максима.

– Я не специально! – испуганно отозвалась Саша.

– Кто мне локтем в живот упёрся?!

– Это не я!

– Лёш, ты где?

– Не знаю!

– Как можно не знать, где ты?!

– Очки слетели!

– Да прекратите вы дёргаться! – возмутилась Вика. – Сначала снимите с меня эту хрень!

Под ковром снова началась возня.

– Макс, подними его!

– Сейчас!

– Только диван окончательно не доломай!

– Да куда его ещё больше ломать?!

Максим нащупал плотный край полотна, ухватился за него обеими руками и рванул вверх. Ковёр не поддался.

– Да что ж ты... – Он перехватил ткань поудобнее.

– Макс, давай быстрее!

– Сейчас, сказал!

Максим упёрся ногой в развалившийся диван и дёрнул изо всех сил. Где-то совсем рядом затрещала старая ткань.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.